

ISSN 1812-9285

**ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ**

2 • 2009

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Научный журнал

*Главный редактор доктор философских наук,
профессор Н. М. Чуринов*

2 • 2009

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ 2(16)•2009

Главный редактор

ЧУРИНОВ Н. М.,
доктор философских наук, профессор

Редакционная коллегия:

ЗАБУГА В. Ф., ректор Сибирского института бизнеса,
управления и психологии;

БЕЛЯКОВ Г. П., ректор Сибирского государственного
аэрокосмического университета
имени академика М. Ф. Решетнева;

ДРОЗДОВ Н. И., ректор Красноярского государственного
педагогического университета имени В. П. Астафьева;

ПАНИУКОВ А. И., доктор философских наук, профессор
Сибирского юридического института МВД России;

КУДАШОВ В. И., доктор философских наук, профессор
Сибирского юридического института МВД России

Учредитель:

Сибирский институт бизнеса, управления и психологии



Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору за соблюдением законодательства в
сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-19512 от 28.01.2005.

ISSN 1812-9285

© СИБУП, 2009

© Коллектив авторов, 2009

АТОМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ «ОБЩЕСТВА МАСС»

*А. С. НОВИКОВ, Институт педагогики,
психологии и социологии Сибирского
федерального университета, Красноярск*

В целом ряде трудов, посвященных социальной динамике, часто употребляется такой термин, как «социальная атомизация». К этому понятию обращаются как отечественные, так и зарубежные исследователи (Т. Гоббс [6], Д. Лукач [11], Э. Фромм [22; 23; 24; 25], Н. Луман [12; 13], Л. ДеМоз [27], Э. Тоффлер [19; 20], Х. Арендт [2], С. Московичи [15], Н. Элиас [25]).

Общее понимание социальной атомизации таково: социальная атомизация – явление разрыва дружеских, семейных, соседских и иных социальных связей; появление изолированных индивидов, социальные связи и контакты которых имеют преимущественно безличный, рациональный характер [3].

Одним из первых о распаде социальных связей упомянул Т. Гоббс. В своем труде «Левинафан» [6] Гоббс пишет о «войне всех против всех», которая, по его мнению, является следствием предельной социальной свободы в сочетании с неготовностью человека эту степень свободы ограничивать. Такая война порождает общество, в котором каждый борется сам за себя. В таком обществе каждый индивид становится одиноким. Его свобода, будучи сначала совершенно неограниченной, ограничивается свободой других членов этого социума. И иногда эти ограничения могут быть предельно жесткими.

Гоббс не использует сам понятие «атомизация общества», но описанную им «войну всех против всех» можно интерпретировать именно как следствие распада существующих социальных связей. Иначе говоря, именно явление социального атомизма Гоббс имеет в виду, когда пишет буквально следующее: «В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества» [6].

Исчезают социальные взаимосвязи. А поскольку социальные взаимосвязи утрачены, у индивидов нет возможности достичь индивидуальных целей, руководствуясь правилами социального взаимодействия. И логичным итогом этого процесса становится «война» (точнее, практически неограниченная конкуренция) как единственный возможный способ получения социальных благ.

Представление о социальной среде, характеризующейся распадом связей, в достаточной степени распространено и среди современных исследователей. Приведем, например, точку зрения Ллойда ДеМоза, продолжателя психоаналитических традиций в социальном анализе: «Сложно описать тот мир, который может быть создан индивидуализованными личностями <...> Такой мир <...> должен включать в себя самые разнообразные социальные институты, он должен стать миром без войн и тюрем. Там не будет места доминирующим группам» [27].

Атомизирующие тенденции также подробнейшим образом рассмотрены в работах целого ряда историков, философов и социологов, среди которых можно особо выделить Н. Элиаса, Э. Фромма, Э. Тоффлера и С. Московичи. Так, например, пишет об атомизации общества Э. Тоффлер: «Вот почему нам часто кажется, что наше общество трещит по швам. Так и есть. Именно поэтому все усложняется. Где когда-то было 1 000 организационных единиц –

сейчас 10 000, связанных между собою все более кратковременными узами. Где когда-то существовало несколько относительно постоянных субкультур, с которыми человек мог идентифицироваться, сейчас тысячи временных субкультур, сталкивающихся и увеличивающихся в числе. Мощные узы, которые связывали индустриальное общество, – узы закона, общих ценностей, централизованного и стандартизированного образования и культурного производства, – сейчас разорваны» [20. С. 327].

Для западных исследователей атомизация общества — объективный процесс, связанный, помимо прочего, с тем, что общество становится все более и более «технологичным». Любое социальное отношение становится отношением между частями социальной машины, которые постепенно обезличиваются. Как пишет Э. Фромм, «требование максимальной эффективности влечет за собой требование максимальной индивидуализации. Известно, что общественная машина работает намного эффективнее, если считать каждого человека лишь квалифицированной рабочей единицей, персонализация которого учтена с помощью перфокарты. Такими единицами легче управлять с помощью бюрократических циркуляров, поскольку эти рабочие не создают каких-либо трудностей администрации, не являясь причиной каких-либо трений. Для осуществления этой цели нужно уничтожить индивидуальность каждого рабочего, внушив ему, что его личность важна не сама по себе, а лишь как часть общественного производства» [24].

Все исследователи единодушны в понимании атомизации общества. Это – все тот же распад устоявшихся социальных связей и отношений. По Фромму, «достаточно <...> отметить утрату контактов между людьми – даже если они изо всех сил стремятся к установлению таких контактов» [24]. Социум организуется не на базе отношений, востребованных с точки зрения знания человека, а на основе механистических взаимодействий либо элементарных эмоциональных привязанностей. Распад системы связей означает исчезновение системы социальной символизации, отражающей эти связи. Если раньше система символов, принятых в обществе, позволяла бесспорно отнести человека к определенному социальному слою, то сейчас такое деление все чаще оказывается безосновательным. Западное общество все чаще и чаще описывается как некоторое образование с сомнительной внутренней дифференциацией.

Эта тенденция, характеризующаяся распадом социальных связей, в современной науке как самостоятельное явление впервые описана Ханной Арендт (см., в частности, [2; 14]). В отдельных случаях именно Ханне Арендт приписывается введение понятия «социальная атомизация».

Атомизация общества, как правило, обсуждается в связи с двумя противоположными тенденциями в социальной динамике. Во-первых, распад устоявшихся социальных связей привлек внимание исследователей в связи с определенными консервативными, а именно с тоталитарными тенденциями. Атомизация общества изучалась Ханной Арендт в связи с тем, что «тоталитаризм зарождается и приходит к власти в „обществе масс“, в обстановке кризиса и даже распада „общества классов“, а массы вырастают „из фрагментов в высшей степени атомизированного общества“. «Тоталитарные движения являются массовыми организациями атомизированных, изолированных индивидов» (Цит. по: [14]). Во-вторых, например, В. Дамье [7] связывает атомизацию общества с анархией, безвластием.

Примечательно, что обе указанные тенденции связываются с превращением социума в массу. По С. Московичи, в тоталитарном обществе, например, массовость выражается в потере коммуникативной связи между его членами: «Еще не ставший всеобщим, полувсеобщий мутизм, который сосуществует в огромном большинстве стран со всеобщим избирательным правом, великолепно иллюстрирует мысль Тарда. Он делает его признаком железной руки диктатуры. По существу, изучение наших систем власти по тому, какие разговоры они культивируют или запрещают, было бы одним из наиболее увлекательных... За критерий принимается: государство, в котором не говорят

просто для того, чтобы говорить, является государством, где мало говорят, страной, где каждый подвластен печально известному изречению: „Молчите, стены имеют уши“» [15. С. 231].

Вторая тенденция – анархическая – означает потерю структуры и массовизацию общества. Поэтому в попытке анализировать быстро меняющийся социум масса становится для нас одним из основных понятий. По С. Московичи, понять его можно так: «...временная совокупность равных, анонимных и схожих между собой людей, в недрах которой эмоции и идеи имеют тенденцию выражаться спонтанно» [15. С. 27].

Базовая характеристика, используемая французским исследователем, – предельное равенство индивидов. Единый организующий принцип общества прекращает свое существование. И социум выглядит как собрание людей с крайне разнообразными индивидуальными историями, помещенных в унифицированный социальный контекст. При этом исторический процесс не замедляется, напротив, часто имеют место очень существенные и быстрые социальные изменения. Как он полагает, мы сталкиваемся с существенным методологическим парадоксом. С одной стороны, общество все более и более индивидуализируется. С другой – оно становится все более и более массовым.

Можно наблюдать быстрый рост новых идеологий и не менее быстрый их распад, политические режимы сменяют друг друга с максимальной скоростью, то же происходит и с социальными изменениями. Все это – симптомы «массовизации». А фоном для них выступают мнения о возрастающей роли отдельного человека. Мы имеем дело с социальным движением, основанном на двух противоположных процессах – массовизации и атомизации общества.

Масса интересует нас как основная единица, из которой выводится вся социальная действительность. И в этом смысле наша основная задача – понять закономерности ее устройства и на их основе раскрыть ряд более общих закономерностей динамики западного общества. Парадокс состоит в том, что «инертность человека, – как пишет Э. Фромм, – лишь симптом синдрома всего общества, который можно было бы назвать синдромом отчуждения. Поскольку человек инертен, он не вступает ни в какие отношения с окружающим миром, оказываясь вынужденным поклоняться своим идолам и подчиняться своим желаниям. Поэтому он весь во власти страха, он чувствует себя беспомощным и одиноким. Ему чуждо и чувство человеческой интеграции, он не в ладу даже с самим собой. Конформизм кажется ему единственной возможностью побороть свои страхи» [24].

Индивид вынужден стремиться к упорядоченности социальной среды. А масса предлагает человеку просто суммированную социальную действительность и, в этом смысле, порядок. Несмотря на то что традиционно масса считается проявлением свободы, социальная динамика сталкивает нас с парадоксом: там, где большая стихийная социальная группа должна воплощать собой «голос свободы», она становится заранее известным проявлением спонтанной активности, заранее документированным элитой, и в целом ряде случаев уже известно, как это проявление будет утилизировано в интересах той самой элиты.

Всякий бунт против системы становится частью системы. Так, например, бунт против «традиционного» искусства, который воплощало всякое новое направление в живописи, скульптуре или архитектуре, весьма быстро становится частью все той же традиции. Содержание опустошается, а знак бунта как новый раздражитель превращается в стиль. Теряется различие между устоявшейся системой норм и тем, что ей противоречит.

Массовый человек является продуктом массового общества. Он в полной мере воспроизводит те доминирующие черты массового сознания, которые присущи большой социальной группе. Массовый человек, несмотря на всю свою реальную или воображаемую ассоциированность с другими индивидами, входящими в состав массы, одинок. Ощущение связи с другими в идеале должно было бы обеспечивать массовому индивиду чувство безопасности, утверждать его в собственном могуществе. Именно поэтому массовый

индивид, в терминологии Хосе Ортеги-и-Гассета (см., в частности, [16]), ощущает себя совершенным.

В современном мире появляется множество социальных признаков, которые оказываются максимально значимыми в социальной дифференциации. Доказать этот тезис можно простым перечислением социальных групп, в которые человек оказывается включенным на протяжении жизни. Мы обнаружим, что число этих групп все время возрастает, а признаки, отличающие одну группу от другой, становятся все более частными. А это означает, что процесс социальной дифференциации оказывается диалектическим. Внутренняя противоречивость процесса социальной дифференциации состоит в том, что, с одной стороны, различий между группами (да и самих групп) становится все больше и больше, а с другой, эти различия оказываются все более и более тонкими.

Это определяет возможность существования некоторого «универсального основания» общностей – того ядра, которое определяет саму возможность объединения. И этой основой становятся потребности массового человека.

Но даже весьма небольшие различия часто становятся определяющими для того, чтобы люди объединялись в меньшие или большие группы.

Специфика такой социальной дифференциации состоит в том, что зачастую ее основание оказывается мнимым. Традиционно основанием для принадлежности человека к тому или иному слою общества выступал целый набор социальных признаков. Человек определялся как принадлежащий той или иной группе по целому комплексу свойств и качеств, начиная с происхождения, продолжая родом занятий и заканчивая следованием или неследованием тем или иным нормам группы. На сегодняшний день для утверждения принадлежности к группе человеку иногда достаточно обладать всего одним качеством, часто ситуативным.

Атомизированный человек сохраняет потребность в ассоциации с другими. Принадлежность к группе сохраняет для него свою значимость несмотря на то, что она на самом деле имеет в основании часто ничтожное социальное отличие. Группа призвана обеспечить индивиду, включенному в нее, чувство защищенности. На деле положение вещей часто оказывается ровно обратным. Чувство ассоциации с другими более не обеспечивает массовому человеку никакой психологической выгоды.

Происходит это по ряду причин. Во-первых, принадлежность к массе могла бы оказаться решающей, если бы масса в социальной структуре расценивалась и воспринималась как исключительная. Иначе говоря, чувство общности ценно постольку, поскольку противостоит диссоциированности, распределенной в социальном пространстве.

Вторая причина связана с восприятием социальной реальности атомизированным индивидом. Массовый человек не видит в другом ничего, кроме собственного отражения.

Это приводит к поиску массовым индивидом эмоциональных переживаний вне группы. Каждый в массе склоняется именно к такому выходу из положения, что и обеспечивает сильные эмоциональные реакции группы в целом.

Именно так и происходит атомизация общества. Каждый человек не ощущает связанности с другими. Все индивиды сходны друг с другом, но каждый из них максимально одинок. Сама атомизация в действительности является обратной стороной процесса образования масс. Подтвердить это можно, рассуждая следующим образом.

Во-первых, положение о всеобщей связи индивидов в массе разделяют многие исследователи, занятые изучением стихийных больших социальных групп. По их мнению, всеобщая связь представляет собой признак массы, непрременную черту ее потребительского однообразия. Собственно, существование этой связи и делает массу таковой: «Самые несходные между собой по своему уму люди могут обладать одинаковыми страстями, инстинктами и

чувствами... В коллективной душе... разнородное утопает в однородном и берут верх бессознательные качества» [10. С. 135].

Люди переживают это единство. Более того, ряд исследователей (например, Г. ЛеБон) фактически, сводили массу к данному переживанию – «закону духовного единства толпы»: в массе все индивиды, во-первых, связаны друг с другом, и, во-вторых, похожи друг на друга до степени единства. По Г. ЛеБону, «исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении – главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации...» [10. С. 132]

Итак, мы полагаем, что включение массы в социальный контекст и интерпретацию массового поведения в рамках целостного процесса социальной динамики противопоставляется другому элементу социальной структуры: иногда, как, например, в текстах Ортеги-и-Гассета, его называют элитой, иногда используются другие названия. Суть дела в том, что масса в социальном процессе непременно противопоставляется какому-то другому равнозначному элементу.

Мы никогда не имеем дела с массой как таковой. Мы имеем дело либо с дихотомией «масса – элита», либо с двумя разнородными массами, либо с противопоставлением массового и не-массового поведения. В целом еще одной существенно значимой характеристикой массы является ее противопоставление определенным элементам социальной структуры.

Соотношение потребностей массового человека и социальных ограничений, устанавливаемых элитой, предполагает образование специфического поведения массового субъекта, многообразие индивидуальных проявлений соотносится с проявлениями массового сознания. А специфика каждой личности и доминирующие социальные ограничения определяют, каким образом мотивация их поведения будет реализована.

Сделаем выводы:

1. Социальная атомизация как явление распада социальных связей является характеристикой социальной динамики в западном обществе.

2. Социальная атомизация порождает новый тип человека – атомизированного индивида. Атомизированные индивиды оказываются способными достигать своих целей через конкуренцию, а не через кооперацию.

3. Атомизированные индивиды стремятся к реализации максимальной степени своей свободы. Ограничение этой степени может происходить только в договоре массы атомизированных индивидов и элиты.

4. Атомизация общества способствует образованию общества масс.

Библиографический список

1. Аравина, Т. И. Феномен толпы в исследовательских ракурсах социальной психологии / Т. И. Аравина // Психологический журнал. Т. 20. 1999. № 3.
2. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт: пер. с англ. И. В. Борисовой и др.; послесл. Ю. Н. Давыдова; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.
3. Большой толковый социологический словарь: в 2 т.: пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 2001.
4. Блумер, Г. Коллективное поведение / Г. Блумер.
5. Вундт, В. Проблемы психологии народов / В. Вундт // Преступная толпа. М., 2002.
6. Гоббс, Т. Левиафан // Т. Гоббс // Избр. произведения: в 2 т.
7. Дамье, В. Атомизация общества и социальная самоорганизация / В. Дамье // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 73–82.
8. Канетти, Э. Человек нашего столетия: Воспоминания. Масса и власть / Э. Канетти // Советская литература. М.: Прогресс, 1990.
9. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. М., 1977.
10. ЛеБон, Г. Психология толп / Г. ЛеБон // Психология толп. М.: Наука, 1997.
11. Лукач, Д. К онтологии общественного бытия / Д. Лукач. М., 1991.
12. Луман, Н. Понятие общества / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994.

13. Луман, Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество / Н. Луман // *Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований*. М., 1998.
14. Мирский, Г. Ушел ли тоталитаризм с двадцатым веком? / Г. Мирский // *Мировая экономика и междунар. отношения*. М., 2002. № 1. С. 40–51.
15. Московичи, С. Век толп / С. Московичи. М.: Наука, 1998.
16. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет.
17. Тард, Г. Мнение и толпа / Г. Тард // *Психология толп*. М.: Наука, 1997.
18. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. М.: Социально-психологический центр, 1996.
19. Тоффлер, Э. *Метаморфозы власти* / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2003.
20. Тоффлер, Э. *Шок будущего* / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2003.
21. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности* / Э. Фромм. М.: АСТ-ЛТД, 1998.
22. Фромм, Э. *Бегство от свободы* / Э. Фромм. М.: АСТ-ЛТД, 1998.
23. Фромм, Э. *Иметь или быть?* / Э. Фромм. Киев: Ника-центр, 1998.
24. Фромм, Э. *Революция надежды* / Э. Фромм. СПб.: Речь, 2001.
25. Элиас, Н. *Общество индивидов* / Н. Элиас. М., 2001.
26. Hurdin, R. *One for all: the logic of group conflict* / R. Hurdin // *Princeton University press*, 1995.
27. DeMause L. *The Emotional Life of Nations* / L. DeMause.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: НОРМАТИВНО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

*А. В. ЛУКАШ, Омский государственный
университет путей сообщения, Омск*

Согласно одобренной в начале октября 2008 г. Правительством РФ концепции социально-экономического развития страны до 2020 г., планируется, что к 2015–2020 гг. Россия войдет в пятерку стран-лидеров по объему ВВП, который увеличится с 13,9 до 30 тыс. долл. [1]. Главной движущей силой в вопросе достижения прогрессивного развития общественного производства (удвоение ВВП в России к 2008 г. в 2,3 раза), которое выступает материальной основой поступательного развития любой цивилизации, является человек. Процесс создания и материальных, и духовных благ, удовлетворяющих человеческие потребности, происходит посредством включенности человека в социально-трудовые отношения, под которыми в данной работе мы понимаем объективно существующие взаимосвязи и взаимоотношения между человеком и обществом, возникающие в процессе трудовой деятельности. Существующая сегодня проблема разбалансированности социально-трудовых отношений, проявляющаяся в снижении качества человеческого потенциала, маргинализации значительной части населения страны, гипертрофированной поляризации общества и других негативных процессах, ставит на повестку дня необходимость решать задачи по обеспечению национальной безопасности в социально-трудовой сфере.

В настоящее время в Российской Федерации вопросы по обеспечению национальной безопасности регулируются Конституцией РФ (1993 г.), законом «О безопасности» (от 5 марта 1992 г. № 2446-1) и Концепцией национальной безопасности (утвержденной Указом Президента РФ от 17 дек. 1997 г., в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24). Прежде чем раскрыть содержание данных документов по обеспечению национальной безопасности в социально-трудовой сфере, рассмотрим значение понятий «безопасность» и «национальная безопасность». Одним из первых представил

СОДЕРЖАНИЕ

Слово издателя журнала

<i>Забуга В. Ф.</i> Взгляд экономиста	3
---	---

Слово главного редактора

<i>Чуринов Н. М.</i> Идеология антисоветизма	6
--	---

Раздел I. Проблемы отечественной идеологии

<i>Чуринов Н. М.</i> Западничество как беспочвенность	20
<i>Григоренко Д. Е.</i> Реализация концепции русского социализма в новейшей истории России	36
<i>Вершков А. В.</i> Подвижничество как тектологически оформленная социальная практика	57

Раздел II. Проблемы исторической идеологии

<i>Чуринов Н. М.</i> Православный аристотелизм: совершенные суждения	65
<i>Фомина Н. В.</i> Классификация социальных норм в западном и отечественном теоретизировании	79
<i>Григоренко Д. Е.</i> К проблеме сущности социальных институтов в российском и западном философском теоретизировании	84
<i>Антонов Д. А.</i> Идентитет индивидуалистического общества	94
<i>Антонов Д. А.</i> Идентитет коллективистского общества	102
<i>Евтифьев М. Д.</i> Запуск самого первого в мире искусственного спутника Земли – приоритет России	109

Раздел III. Проблемы идеологии политики и права

<i>Черноусова Л. Н.</i> Понятие социального взаимодействия и его уровней	115
<i>Черноусова Л. Н.</i> Идеология мондиализма	119
<i>Сигида Н. А.</i> Войны первого поколения	125

Раздел IV. Философия и методология науки

<i>Антипенко Л. Г.</i> Диалектическая логика в свете фундаментальной онтологии М. Хайдеггера	133
<i>Тимофеев С. Л.</i> Две концепции безобразного мышления	142

Раздел V. Идеология экономики

<i>Чуринов Н. М.</i> Русский экономический проект-II	150
<i>Летунова О. В.</i> Понятие экономического мышления	171
<i>Спирин А. В.</i> Понятие экономики знаний	178
<i>Сидорова Л. Б.</i> Ростовщичество и другие формы кредита	185

Сообщения, рецензии

<i>Новиков А. С.</i> Атомизация общества и ее роль в становлении «общества масс»	192
<i>Лукаш А. В.</i> Национальная безопасность России в социально-трудовой сфере в конце XX – начале XXI века: нормативно-правовой аспект	197
Contents and annotations	204

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Научный журнал

Главный редактор доктор философских наук,
профессор Н. М. ЧУРИНОВ

2009. № 2 (16)

Редакторы Л. В. Звонарева, Т. Л. Патюкова.

Адрес редакции: 660037, г. Красноярск, ул. Московская, д. 7а.

Подписано в печать 21.12.2009. Формат 60×84/8. Печать плоская.

Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 22,8. Усл. п. л. 24,0.

Тираж 200 экз. Заказ № 284. Цена свободная.

Типография «Город». 660125, г. Красноярск, ул. Водопьянова, 2-241.
